

Глава 18. Темница

Зелень листвы манила прохладой, повсюду пестрели цветы. Прозрачный ручей, тихо журча, убежал куда-то в неведомую даль. Золотистые лучи солнца дробились в воде ослепительными искрами, а в безбрежной синеве неба, где не было ни облачка, изредка проносились одинокие птицы.

Е Гучэн стоял у кромки воды. Его белоснежные одежды казались чище горного снега, а спокойствие на лице могло поспорить с неподвижностью меча у него на поясе.

Он ждал.

Прошло уже немало времени — солнце, взошедшее еще утром, давно сменило положение, и тени деревьев поползли в другую сторону, — но юноша не выказывал ни малейшего нетерпения. В его янтарных глазах не отражалось ни тени волнения; казалось, он способен простоять так вечность.

К своей невесте Е Гучэн не питал особых чувств. В нем не было даже любопытства — его занимало лишь одно: так ли она искусна в фехтовании, как говорил господин Лин, и сможет ли она стать ему верным соратником на пути меча. Знакомое имя, конечно, вызывало в душе легкий отклик, но куда больше его радовало само это путешествие. Он впервые увидел мир за пределами родного дома, и это зрелище захватило его. Благодаря наставлениям Лин Сяо, который делился опытом без остатка, мастерство юноши росло с каждым днем. Е Гучэн проникся к Лин Сяо глубоким почтением и даже немного завидовал той самой невесте — единственной ученице господина Лина.

В пути они не спешили: останавливались, чтобы полюбоваться видами, и подолгу обсуждали тонкости владения клинком. Для Е Гучэна эти дни были благодатью. Тревога, возникшая было при мысли о расставании с отцом и привычной обстановкой, давно развеялась.

Но вчера всё изменилось. Лин Сяо получил весть с почтовым голубем: его невеста исчезла.

Господин Лин потерял самообладание, его привычная невозмутимость сменилась паникой. Сам Е Гучэн, хоть и был обеспокоен, не чувствовал праведного гнева или отчаяния. Сложно требовать искреннего сокрушения по человеку, которого никогда не видел, пусть даже по закону она и считалась его нареченной.

Однако долг чести обязывал его помочь в поисках. Поэтому, когда Лин Сяо предложил отправить его обратно домой, Е Гучэн ответил твердым отказом.

Он не знал, как именно она пропала и что произошло. Ему оставалось лишь одно — стоять здесь и ждать возвращения Лин Сяо.

Легкий ветерок шевелил пряди его волос. Мечник замер, устремив взгляд на воду, где его отражение едва заметно колыхалось в такт течению.

Вдруг послышался шорох. Обернувшись, юноша встретился взглядом с парой изумрудных глаз.

Перед ним стоял огромный белый волк. Величественный, словно горная вершина, он источал скрытую угрозу, от которой веяло первобытной свирепостью.

Холодок пробежал по спине Е Гучэна. Он вцепился в рукоять меча. Пальцы побелели от напряжения, но он даже не заметил боли.

Человек и зверь замерли друг напротив друга. Вокруг слышалось лишь журчание ручья да шорох сухих листьев, которые ветер лениво гонял по земле.

Взмахнув пушистым хвостом, волк внезапно тронулся с места. Сохраняя гордую осанку, он неспешно прошел мимо юноши.

Е Гучэн изумился. Не успел он перевести дух, как нечто в поведении зверя заставило его насторожиться. Сделав шаг вперед, он невольно выкрикнул:

— Стой!

Приказ прозвучал нелепо. Глупо было ожидать, что дикий зверь поймет человеческую речь, а уж тем более — подчинится. Как только слова сорвались с губ, Е Гучэн сам почувствовал абсурдность ситуации.

Но произошло чудо. Белоснежный великан остановился. Он уставился на юношу холодным зеленым взглядом и, склонив голову набок, словно спрашивал: «Чего тебе?»

Отбросив сомнения, Е Гучэн сделал еще шаг и испытующе позвал:

— А-Сюэ?

— У-у-у! — Волк вскинул голову и издал протяжный вой. Пушистый хвост заходил ходуном, а задние лапы принялись нетерпеливо скрести землю.

Теперь сомнений не оставалось. Это был тот самый зверь, о котором говорил господин Лин, — верный спутник его ученицы. Вряд ли в подлунном мире нашелся бы другой такой волк: огромный, без единого темного пятнышка на шкуре, да еще и разгуливающий среди бела дня вблизи людских поселений.

Юноша слегка подался вперед и, стараясь говорить как можно спокойнее, спросил:

— Где она? Где твоя хозяйка?

— У-у... — глухо отозвался волк. В этом звуке Е Гучэну почудилась почти человеческая тревога.

Зверь сделал пару шагов и снова обернулся, тихо заскулив. Юноша замер: неужели он зовет его за собой?

Видя его нерешительность, волк еще раз призывно тявкнул и раздраженно вильнул хвостом. Е Гучэн осторожно двинулся следом. На этот раз в голосе зверя прозвучало явное одобрение.

«Он хочет привести меня к ней!» — осенило Е Гучэна. Забыв обо всем, он выхватил меч и быстро высек на стволе дерева знак — стрелку, указывающую направление, и символ в виде белого облака. Закончив, он бросился догонять стремительно уходящего волка.

Солнце стояло в зените, заливая всё вокруг ярким светом. В густой тени деревьев внезапно возникла фигура. Мужчина с мягким лицом и хитрыми глазами смотрел вслед уходящим, а на его губах застыла едва уловимая усмешка.

Он подошел к дереву, на котором мечник оставил метку. Тонкая белая ладонь легла на грубую кору, и в следующее мгновение от знака не осталось и следа.

Когда Симэнь Чуйсюэ открыл глаза, первое, что он увидел, был тусклый, оранжевый свет масляной лампы. До слуха долетели приглушенные всхлипы, а тяжелый, спертый запах заставил его брезгливо поморщиться.

Опираясь на холодную каменную кладку, он медленно сел. Осмотревшись, мальчик понял, что находится в сыром и мрачном подземелье. С трех сторон высились стены из грубого камня, а четвертую преграждала крепкая деревянная решетка, запертая на массивный, изъеденный ржавчиной замок.

В камере он был не один — рядом дрожали от плача еще двое детей. Третий ребенок, свернувшись калачиком в самом углу, лежал неподвижно — то ли спал, то ли лишился чувств.

Симэнь Чуйсюэ размял затекшее тело и поднялся. Привычным жестом он потянулся к поясу, но, обнаружив, что оружия нет, нахмурился.

Шорох его движений привлек внимание плакавших детей. Две пары опухших от слез глаз на мгновение уставились на него, но тут же вновь скрылись в ладонях.

Затылок отозвался тупой болью в том месте, куда пришелся удар. Сжав губы, Симэнь Чуйсюэ подобрал мешавший подол юбки и в слабом свете лампы подошел к выходу из темницы.

Щели между брусьями решетки были слишком узкими — в них едва пролезла бы взрослая рука. Даже такому маленькому ребенку, как он, выбраться было невозможно.

Он приник лицом к холодному дереву, вглядываясь в пространство за пределами камеры. Дальний отблеск факела позволял разобрат, что происходит снаружи.

Напротив находилась точно такая же клетка, а по обе стороны от нее — длинный ряд других загонов, всего не менее пяти-шести. Где-то теплился огонек, где-то царила полная тьма. Зоркий глаз мальчика различил за прутьями не только детей, но и молодых женщин с застывшими, безучастными лицами.

Отступив, Симэнь Чуйсюэ коснулся железного замка. Цепи отозвались негромким лязгом.

— Хочешь сбежать? — раздался звонкий голос.

Симэнь вздрогнул и резко обернулся. Ребенок в углу, которого он принял за спящего, уже поднялся. Это был скорее подросток лет двенадцати-тринадцати. В отличие от остальных, его руки сковывала длинная цепь, которая гремела при каждом движении.

— Хочешь сбежать? — повторил он. В тусклом свете глаза юноши казались необычайно живыми. — Не выйдет. Даже если ты умудришься открыть решетку, снаружи четверо стражников. Тебя схватят раньше, чем сделаешь десять шагов.

Симэнь Чуйсюэ вопросительно выгнул бровь:

— И тогда наденут цепи?

Юноша тряхнул руками, заставляя металл звенеть.

— И тогда наденут цепи, — усмехнулся он.

Он подошел ближе и, словно устав от тяжести оков, прислонился спиной к решетке. Его лицо, открытое свету, казалось удивительно безмятежным.

— Меня зовут Ао Ляньминь. А тебя?

— Симэнь Чуйсюэ.

— Симэнь Чуйсюэ? — повторил Ао Ляньминь и рассмеялся. — А ты непростой ребенок. Очнуться в таком месте и вместо того, чтобы реветь, начать изучать обстановку... Поразительное спокойствие.

Симэнь Чуйсюэ холодно парировал:

— Тогда и ты непрост, раз тебя боятся настолько, что заковали в железо. — Он бросил выразительный взгляд на тяжелую цепь.

Ао Ляньминь невесело усмехнулся:

— Я проявил неосторожность. Попытался бежать, но лишь спугнул их и всё испортил.

Симэнь Чуйсюэ почувствовал невольное уважение. Этот мальчик был немногим старше его, но после такой неудачи не впал в отчаяние и не потерял рассудка. В его голосе слышалась лишь легкая досада, но никак не безнадежность. Редкая стойкость духа.

Впрочем, сдаваться Симэнь не собирался. Он взглянул на двух других узников, которые перестали плакать и с любопытством прислушивались к разговору.

— Сколько дней ты здесь?

Ао Ляньминь пожал плечами:

— Кто ж его знает? Но, судя по тому, сколько раз приносили еду, дней пять или шесть.

— Ты видел здесь мальчика по имени Сюй Баоэр? — быстро спросил Симэнь. — Он полноват, на нем была синяя одежда.

Ао Ляньминь неопределенно махнул рукой в сторону других камер:

— В этой дыре не меньше тридцати детей. Не знаю, есть ли среди них твой друг. Можешь попробовать позвать его.

— Позвать? — Симэнь задумался.

— Только учти — стражники тоже услышат, — с лукавой усмешкой добавил Ао Ляньминь.

Симэнь Чуйсюэ промолчал. Отбросив возникшую мысль, он подобрал юбку и, не говоря ни слова, вернулся на свое место у стены, где уселся, скрестив ноги.

Ао Ляньминь подошел к нему:

— Ну чего ты? Обиделся?

Симэнь не ответил.

— Какая капризная девчонка, — пробормотал юноша, устраиваясь рядом. — Всего лишь шутка.

Симэнь Чуйсюэ поднял на него ледяной взгляд, от которого Ао Ляньминю стало не по себе. Он прикусил язык и больше не проронил ни слова.

В темнице снова воцарилась тишина.

<http://bllate.org/book/17402/1658650>